

ПРЕДИСЛОВИЕ

Право в классово-антагонистическом обществе — это система юридических норм (правил общественного поведения), устанавливаемых господствующим классом в своих интересах, охраняющих существующий общественный и государственный строй, санкционированных государственной властью. Право — это воля господствующего класса, возведенная в закон; воля, определяемая материальными условиями жизни этого класса (К. Маркс). По словам Энгельса, „...все потребности гражданского общества, — независимо от того, какой класс господствует в данное время, — необходимо должны пройти через волю государства, чтобы добиться законодательного признания. Это — формальная сторона дела, которая сама собою разумеется. Но, спрашивается, каково же содержание формальной воли, — все равно отдельного лица или целого государства, — откуда оно берется, и почему воля направляется именно в ту, а не в другую сторону? Ища ответа на этот вопрос, мы находим, что в новейшей истории государственная воля определялась изменяющимися потребностями гражданского общества, преобладанием того или другого класса, а в последнем счете — развитием производительных сил и условий обмена“.¹

Таким образом, характер правовых норм соответствует уровню развития производительных сил и характеру производственных отношений общества. Но право, как всякая надстройка, не связано „непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека“, а связано „с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса“. Поэтому право, представляя собой надстроечное явление, „отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе“.²

В то же время право, будучи частью надстройки, которая порождается базисом, не только отражает базис, но является „величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XIV, стр. 671.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 10—11.

все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы“.¹

Публикация „Законодательных памятников Русского централизованного государства XV—XVII вв.“ ставит своей задачей дать в руки исследователей, преподавателей и учащихся высшей школы, а также всех интересующихся историей нашей Родины комментированный текст памятников феодального права как источника для изучения социально-экономических отношений, политического строя, юридических норм, судостроительства и судопроизводства России того времени.

Отражая явления базиса феодального общества, законодательные памятники XV—XVII вв. дают в то же время материал для изучения политических и правовых взглядов и соответствующих им учреждений в период ликвидации на Руси феодальной раздробленности и образования и укрепления Русского централизованного государства.

Судебник 1497 г. был создан в то время, когда почти все русские независимые доселе княжества потеряли свою независимость и вошли в состав единого русского государства. Развитие производительных сил, рост общественного разделения труда и экономических связей внутри страны в XIV—XV вв. подготавливали условия для политической централизации, процесс которой был ускорен потребностями обороны.² Политика государственной централизации, проводившаяся московскими великими князьями, опиравшимися на земельное дворянство и находившими поддержку со стороны городского населения, требовала создания единого для государства кодекса феодального права.

К концу XV в. в основном была ликвидирована политическая обособленность княжений, стали невозможными непрерывные феодальные войны между ними, князья, стоявшие до сих пор во главе отдельных княжений, были лишены своего недавнего независимого положения и вынуждены признать над собой власть московского князя.

Отдельные княжества и боярские республики, жившие ранее по своим собственным законам (Новгородская судная грамота, не дошедшие до нас, но несомненно существовавшие рязанские законы, Псковская судная грамота, судьба которой к этому времени тоже уже была решена), получили с изданием Судебника 1497 г. новый основной закон, который „уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси, с детьми своими и с бояры“ (т. е. со своей Боярской думой).

Задача Судебника заключалась в том, чтобы ввести во всей России единое право, защищавшее интересы господствующего класса. Стоя на страже классовых позиций феодалов, Судебник 1497 г. являлся проводником поли-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 7.

² И. Сталин, Соч., т. 5, стр. 34.

тики централизации, направленной к ликвидации феодальной раздробленности. Поэтому отношение к нему со стороны различных групп землевладельческого класса было неодинаковым. Удельные князья, недавно лишённые власти, а также крупные представители боярской аристократии не могли быть довольны новым законом, этим явным показателем сильной власти князя московского, поддерживаемого дворянством. ¹

В нашей историко-юридической науке не раз высказывалось мнение о том, что в малолетство Ивана Грозного недовольными политикой Ивана III княжатами и боярами сделана была попытка создать новый Судебник взамен Судебника 1497 г. К сожалению, текст его до нас не дошел, если он и был вообще. Но в наказе переписчикам города Тотьмы с уездом 1646 г. имеется ссылка на Судебник 1538—39 г. ¹

В одном из указов Ивана Грозного значится: „А что исстари по Уложению великого князя Ивана Васильевича всея Руси и по Уложению великого князя Василия Ивановича всея Руси в Твери и в Микулине... мимо тех городов людям вотчин не продавать и по душам в монастыри без доклада не давати“ ².

Вопрос о Судебнике Василия III остается спорным. И. И. Смирнов так же, как и Б. А. Романов (в своих комментариях к Судебнику Ивана IV — 1550 г.), отрицают существование этого Судебника.

Однако несомненно, что оппозиция по отношению к Судебнику 1497 г. была, поэтому можно предположить, что были попытки заменить его другим, так как сопротивление объединительной политике Москвы со стороны княжеской знати и крупного боярства усилилось к 30-м годам XVI в., периоду временного ослабления центральной власти.

Ивану Грозному перед изданием Судебника 1550 г. пришлось провести большую подготовительную работу, чтобы сломить сепаратистские стремления боярства. Накануне созыва Стоглавого собора царь не раз собирал совещания по вопросу о составлении Судебника.

Иван IV пригласил в 1549 г. в свои палаты митрополита Макария, „весь освященный собор“ и Боярскую думу и здесь настаивал на „примирении“ высшего духовенства и боярства со служилой массой помещиков. Царь мотивировал свое требование таким образом: во время его ранней молодости от бояр и высшего духовенства детям боярским и крестьянам „чинились силы и продажи и обиды великие в землях и в холопах и в иных обидных делах“. Иван IV требовал, чтобы сильные люди „впредь так не чинили, детям бы боярским и крестьянам... силы и продажи и обиды во

¹ П. П. Смирнов. Челобитные дворян и детей боярских. Чтения Общ. ист. и древн. росс., М., 1915, кн. 3, стр. 12.

² С. Башиллов. Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к Судебнику и таможенный устав царя и великого князя Ивана Васильевича. СПб., 1768, стр. 22.

всяких делех не было некоторые“, „а кто вперед кому учинит силу или продажу или обиду какую, и тем от меня, царя и великого князя быти в опале и в казни“.¹

Для того чтобы понять конкретный смысл этого выступления царя, необходимо принять во внимание всю сложность политической обстановки первых лет княжения, а затем и царствования Ивана Грозного.

Дети боярские и служилые люди — это основное ядро царской армии, — служившие Ивану III и его сыну социальной опорой в борьбе центральной власти с феодальной раздробленностью и феодальным сепаратизмом знати, после смерти Василия Ивановича (1533 г.), когда крупное боярство делало попытки восстановить свои привилегии, оказались в трудном положении.

✓ Феодальные верхи пытались/отстранить служилую массу от участия в руководстве политическими делами, отодвинуть ее на второй план. Но этого сделать не удалось, Иван IV взял твердый курс на укрепление единого централизованного государства и самодержавной власти, продолжая политику своего деда.

✕ На Стоглавом соборе в 1551 г., на котором стоял вопрос об утверждении Судебника, Иван Грозный напомнил, что на совещании, собранном им ранее в своем дворце, по его предложению произошло „примирение“ знати с детьми боярскими (так по крайней мере в то время думал царь) и что тогда же царь получил одобрение своему намерению Судебник „исправить по старине“. Тут же на Соборе Иван IV заявил, что эта работа уже выполнена: „Се и Судебник пред вами... прочтите и рассудите...“.²

Законно предположить, что Иван Грозный, предлагая Судебник „исправить по старине“, имел в виду возвращение к Судебнику 1497 г., который весьма возможно пытались переделать крупные феодалы, сопротивляясь растущему новому политическому режиму. На это ясно намекают следующие слова речи царя: „...а которые обычай и в прежние времена после отца моего великого князя Василия Ивановича всея Руси и до сего настоящего времени поисшаталися или в самовластии учинено, по своим волям, или прежние законы которые порушены, или ослабло дело... и о всяких земских строениях... и о сем всем... посоветуйте“.³

Итак, составлению Судебника в 1550 г. было придано широкое общественно-политическое значение. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что в его составлении принимала большое участие и та группа окружавших царя лиц, преимущественно детей боярских и служилых людей, которая тогда имела сильное влияние на политику правительства.

¹ ПСРЛ, т. XXII, стр. 528—529.

² Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863, стр. 39. — И. Н. Жданов. Материалы для истории Стоглавого Собора. Соч., т. I, СПб., 1904, стр. 172.

³ Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова, стр. 40.

Группа эта стремилась не к переустройству существующих общественных отношений, а к укреплению централизованного государственного аппарата, что сделало бы невозможным возвращение к феодальной раздробленности.

Судебник 1550 г. должен был стать мощным орудием самодержавия в завершении создания централизованного государства и его укреплении. Судебник свое назначение выполнил. В течение 100 лет он был единственным в стране сборником основных законов государства.

Оба Судебника дают ценнейший материал для изучения экономики, общественных отношений, политического строя, права России XV—XVI вв. В этом огромное значение Судебников как исторических источников. Между тем комментарий к ним, имеющийся в „Хрестоматии“ буржуазного историка М. Ф. Владимирского-Буданова, советского читателя удовлетворить не может.

Несколько особый характер имеет Судебник 1589 г. Это — памятник права, предназначенный специально для суда среди крестьянства северных черносошных волостей. Он дает очень важный материал по истории экономики, социальных отношений и права в северорусской черной деревне.

Судебник 1589 г. до последнего времени был изучен очень мало. В настоящем издании впервые дается к нему развернутый комментарий.

Публикуемая серия представляет непосредственное продолжение издания Правды Русской — кодекса феодального права древнерусского раннефеодального государства. В серию войдут законодательные памятники Русского централизованного государства XV—XVII вв., начиная с первого опыта кодификации общерусского феодального права — Судебника 1497 г. — и кончая Соборным Уложением 1649 г. В настоящее издание входят три Судебника конца XV—XVI вв. (1497 г., 1550 г. и 1589 г.) и указатели ко всем трем судебникам. Серия завершится изданием дополнительных указов к Судебнику 1550 г. и Соборного Уложения 1649 г.

Текст Судебника 1497 г. подготовлен к печати Л. В. Черепниним, им же составлен комментарий. Тексты Судебников 1550 г. и 1589 г. подготовлены к печати Р. Б. Мюллер. Комментарий к Судебнику 1550 г. составлен Б. А. Романовым, к Судебнику 1589 г. — А. И. Копаневым.

Редактор Судебников 1497 г. и 1589 г. — И. И. Смирнов; Судебника 1550 г. — С. Н. Валк.

Указатели составлены А. И. Копаневым и Э. Н. Савельевой, редактор — С. Н. Валк.

Акад. Б. Д. Греков.

СУДЕБНИК

1497

ГОДА

ВВЕДЕНИЕ

Впервые текст Судебника Ивана III (вместе с Судебником Ивана Грозного) был опубликован в 1819 г. К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым,¹ по рукописи, найденной Строевым и в настоящее время хранящейся в Государственном Древлехранилище Центрального Государственного архива древних актов.²

До этой находки исследователи были знакомы с Судебником Ивана III только по извлечениям из него, приведенным Герберштейном в своих „Комментариях о московитских делах“ в латинском переводе, под заглавием: „Sequuntur Ordinationes a Joanne Basilii Magno Duce anno mundi 7006 factae“.³ Герберштейн дал перевод статей 3—7 и 9—16 Судебника (по позднейшей нумерации, принадлежащей М. Ф. Владимирскому-Буданову).

Рукопись, найденная в 1817 г., остается до сих пор единственным известным списком Судебника. Она была переиздана вторично в первом томе „Актów исторических“ (АИ), выпущенных Археографической комиссией.⁴

Имеется еще несколько изданий памятника (учебного и популярного характера), сделанных на основе публикаций, без привлечения рукописи.

Все существующие издания Судебника Ивана III, восходящие в качестве первоисточника к печатному тексту 1819 г., в настоящее время уже не отвечают научным требованиям, так как не дают полного и всестороннего представления о списке Судебника.

К. Ф. Калайдович и П. М. Строев сообщают о списке следующие сведения палеографического характера: „Судя по полууставному почерку, плотной лощеной бумаге и находящемуся в ней знаку державы“, список Судебника „принадлежит к началу XVI в., писан в малую четверть“.⁵

Эта краткая характеристика памятника не вполне точно передает его внешние особенности. Прежде всего бросается в глаза, что рукопись писана не одним (полууставным), а по крайней мере тремя (а может быть и более)

¹ Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича, с дополнительными указами, изд. К. Калайдовичем и П. Строевым. М., 1819. Отрывки из Судебника 1497 г. приведены Н. М. Карамзиным в его „Истории государства Российского“, т. VI, изд. 2-е, СПб., 1819, прим. 609.

² ЦГАДА, Гос. Древлехранилище, отд. V, рубр. I, № 3.

³ С. Герберштейн. Записки о Московии, с латинского базельского издания 1556 г. Перевел И. Анонимов, СПб., 1866, стр. 81—83. — С. Герберштейн. Записки о московитских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908, стр. 82—84.

⁴ АИ, т. I, стр. 148—156.

⁵ Законы в. кн. Иоанна Васильевича, стр. XXVI.

почерками, из которых по крайней мере два скорописных.¹ Эти почерки чередуются следующим образом: (указываем лишь наиболее яркие различия):

Лл. 1—4 текста (кончая заголовком ст. 21: «О великом князи») — полуустав.

Лл. 4 (с указанного выше места) — 5 об. (в ст. 30 — «Указ о езде» до слов: „до Боровска полтина“) — крупная скоропись.

Лл. 5 об. (с указанного выше места) — 7 (в ст. 36, кончая словами: „А кто ищеа или ответчик сам не поедет“) — полуустав, приближающийся к почерку на лл. 1—4.

Лл. 7 (с указанного выше места) — 9 (кончая заголовком ст. 44: «О приставах») — крупная скоропись, приближающаяся к почерку на лл. 4—5 об.

Лл. 9 (с указанного выше места) — 10 об. (в ст. 52, кончая словами: „а ищем или послуху целовати, а наймитом битися“) — полуустав, приближающийся к почерку на лл. 1—4 и 5 об. — 7.

Лл. 10 об. (с указанного выше места) — 12 об. (до конца текста) — мелкая скоропись.

Подсчитывая количество строк, написанных каждым из трех основных почерков, получаем следующие итоги:

1-й почерк (лл. 1—4 в указанных выше пределах) — 129 строк (из них 12 заголовков).

2-й почерк (лл. 4—5 об. в указанных выше пределах) — 68 строк (из них 8 заголовков).

1-й почерк или близкий к нему (лл. 5 об. — 7 в указанных выше пределах) — 59 строк (из них 1 заголовок).

2-й почерк или близкий к нему (лл. 7—9 в указанных выше пределах) — 79 строк (из них 5 заголовков).

1-й почерк или близкий к нему (лл. 9—10 об. в указанных выше пределах) — 54 строки (из них 2 заголовка).

3-й почерк (лл. 10 об. — 12 в указанных выше пределах) — 123 строки (из них 9 заголовков).

Предложенный подсчет сделан по печатному изданию К. Калайдовича и П. Строева. Руководствоваться рукописью в данном случае не представляется целесообразным, так как рукописная строка включает в себя, в зависимости от характера почерка, различное количество букв и не может служить единой мерой измерения при определении размеров текста, приходившегося на долю каждого писца.

Приведенные данные показывают, что сохранившийся список Судебника был переписан с подлинника или с более раннего списка не менее чем тремя сменявшими друг друга писцами. При раздаче материала писцам для переписки исходной точкой служил текст размером в среднем в 120 с небольшим (позднейших печатных) строк. Действительно, присматриваясь к данным, приведенным выше, убеждаемся, что список Судебника можно разбить на четыре примерно равных между собою отрывка, каждый из которых заключает в себе около 120 строк: 1) лл. 1—4 (первый почерк); 2) лл. 4—5 об. и 5 об. — 7 (второй и снова первый или близкий к нему почерки); 3) лл. 7—9 и 9—10 об. (почерки, вначале близкий ко второму, затем близкий к первому); 4) лл. 10 об. — 12 об. (третий почерк). Некоторые из этих одинаковых по величине кусков (лл. 4—7 и лл. 7—10 об.) дробились между писцами на половинные доли. Очевидно, около 120 (позднейших печатных) строк содержалось в двух листах (с оборотами) или четырех